

Концептуальные пространства Л. Г. Барага и Р. Г. Назирова*

Б. В. Орехов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Сергей С. Шаулов

Башкирский государственный университет

Как следует из заглавия, речь пойдет о двух значительных фигурах уфимской филологической жизни второй половины XX века. Это своего рода два силовых центра местного ландшафта. Оба создали себе имя, прозвучавшее за пределами Башкирии, оба породили свою научную школу, в конце концов, оба заслужили именные конференции в своём университете.

Само их сосуществование во времени и пространстве делает неизбежным вопрос, насколько сходно и различно их место как в системе координат университета, так и контексте большой науки.

Важным для истории идей будет и другой вопрос: насколько одна из этих персон повлияла на другую? Мы неоднократно утверждали и продолжаем придерживаться мысли, что Р. Г. Назиров — не рядовой университетский преподаватель и автор нескольких заметных статей по частным вопросам истории русской литературы. Назиров — глубокий мыслитель, самобытный историк культуры, автор оригинальной концепции мифа, и если современная гуманитарная наука, несмотря на интенсивный белый шум вокруг, сможет найти в себе силы прочесть и понять написанное Ромэном Гафановичем, это поднимет её на новый уровень. Как и во всех подобных случаях гуманитарий пытается схватить и описать генезис явления. Что повлияло на становление концепций Назирова? Какова роль Л. Г. Барага в этом? Некоторые замечания об этом мы и сделаем в настоящем докладе.

Бараг старше Назирова на 23 года (пережить его Назирову удалось лишь на неполные 10 лет), за год до окончания Ромэном Гафановичем школы Лев Григорьевич перебирается в Уфу и становится преподавателем Башкирского государственного педагогического университета им.

* Доклад был прочитан в декабре 2016 года на конференции «Проблемы взаимодействия языка, литературы и фольклора и современная культура», посвященной памяти Л. Г. Барага и Л. И. Брянцевой.

К. А. Тимирязева. Таким образом, Назиров, об учёбе которого мы знаем довольно мало (он почти не пишет про неё в дневнике, а другие источники этого времени нам недоступны¹), несомненно посещал занятия Л. Г. Барага. Мемориальный текст о Бараге, который Назиров напишет через сорок лет, называется «Памяти учителя»². Обстоятельства личного знакомства и первые взаимные впечатления биографам неизвестны. Ясно, что к концу учёбы между ними устанавливаются, по меньшей мере, рабочие отношения. Об этом говорит знаменательный факт: Бараг даёт Назирову рекомендацию для вступления в партию³. Несомненно, что Назиров в целом хорошо зарекомендовал себя перед Барагом, потому что когда после года работы сельским учителем и неудачно сложившейся карьеры журналиста Ромэн Гафанович поступает в аспирантуру МГУ, именно Бараг участвует в организации его первых публикаций, а, возможно (но не доказано), что и самой аспирантуры. Любопытно, что Бараг считается (среди прочего) учеником Н. К. Гудзия, которого хорошо знал и Назиров (см. тёплые заметки о нём в дневнике от 16 мая 1964 г.⁴). Этим поверхностное сходство не ограничивается. Оба вышли из украинских еврейских семей: Бараг родился в Киеве, а Назиров в Харькове. Что, однако, не смягчало той строгости, с которой, очевидно, Бараг относился к научному творчеству Назирова. Не любой текст молодого исследователя обязан был вызвать сочувствие старшего товарища. Ср. нотку гордости в дневниковой записи от 30 августа 1963 года: «Написал статью «Бодлер, Диккенс, Достоевский» (к истории одного литературного мотива). Кажется, Льву Григорьевичу Барагу она понравилась⁵. В Москве я пойду с ней к старому Леониду Петровичу Гроссману, с приветом от Барага, и попытаюсь взять у него рецензию на статью. Если всё будет в порядке, я пошлю статью и рецензию в Уфу Барагу, на адрес БГУ, заказной бандеролью. Тогда в 1964 г. статья (печатный лист) выйдет в сборнике БГУ «Традиции и новаторство»⁶. Строг к Назирову Бараг был и позднее. См. его слова на обсуждении докторской диссертации младшего коллеги: «Слабых мест много. <...> Есть преувеличения. Спорные и неверные вещи есть, даже глупости»⁷. К этим характеристи-

¹ См. «Сейчас я готовлюсь к первому курсовому экзамену-советская литература. Принимать будет Л. Г. Бараг» Назировский архив. 2016. № 2. С. 108.

² АРГН. оп. 1, д. 39, л. 1–2.

³ Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2. С. 100.

⁴ Назировский архив. 2016. № 3. С. 108.

⁵ Выделение наше. — Б. О., С. Ш.

⁶ Назировский архив. 2016. № 3. С. 44.

⁷ Назировский архив. 2014. № 2. С. 143.

кам Назиров отнёсся со всем вниманием: написал на полях «NB!» Это при том, что вообще-то был обидчив и раним, но критику от Барага, видимо, принимал.

Ещё одно сходство, важно понять, случайное или нет: в эволюции научных интересов оба движутся от проблематики русской литературы к, условно говоря, фольклорной тематике. Бараг известен, главным образом, по основному направлению своих поздних занятий, и мало кто знает его ранние работы о русской литературе XVIII века⁸. Назиров, напротив, прочитан в той части своего наследия, которая посвящена русской классической литературе (конечно, Достоевский), и не так хорошо известны специалистам его поздние работы о генезисе и эволюции фольклорных сюжетов, о мифологических претекстах фабул. Строго говоря, они и не могли быть известны, потому что самые крупные из этих работ обнаруживаются в архиве и публикуются только сейчас. Речь идёт, прежде всего, о концептуальной монографии «Становление мифов и их историческая жизнь» (не ранее 1994, опубл. 2014) и о подтверждаемых архивными документами планах объединения известных нам статей в большую книгу под названием «Превращения сюжетов» (а не «Преодоление смерти», как написано в сборнике републикуемых текстов 2010 года; черновых записей, содержащих заглавие «Преодоление смерти» в архиве не найдено до сих пор, так что пока следует считать этот титул своего рода издательским мифом). Этих статей довольно много. Нам уже приходилось их считать⁹: 16 прижизненных публикаций, 20 текстов (разной степени законченности), опубликованных посмертно.

Но нельзя не сказать с сожалением, что причина недостаточной известности фольклорно-мифологических работ Назирова 1980–1990-х годов не только в том, что их опубликовано мало, но и в том, где они опубликованы: все они без исключения вышли в «домашнем» для БашГУ периодическом издании «Фольклор народов РСФСР». Издание известное и уважаемое в советской фольклористике, но по доступности не могущее сравниться с центральной периодикой. Нам известно, что Назиров пытался выйти на оперативный публикационный простор: в архиве сохранился результат неудачной попытки представить в журнал «Советская этнография» статью об этнографических истоках сюжета о Моисее (во многом перекликающуюся с неоконченным романом Назирова «Звезда и Совесть»). Однако эти попытки потерпели неудачу, что и привело к своего рода печатной изоляции Ромэна Гафановича, об этом см.

⁸ Бараг Л. Г. Комедия Фонвизина «Недоросль» и русская литература конца XVIII века // Проблемы реализма в русской литературе XVIII в. М.-Л., 1940.

⁹ Орехов Б. В. Новонайденные статьи об истории сюжетов // Назировский архив. 2015. № 4.

(с иллюстрациями) «Предварительные замечания» к «Сводной библиографии. . .» Назирова в № 2 за 2015 год «Назирова архива»¹⁰.

В этой библиографической ситуации, тем не менее, есть зацепка для понимания более концептуальных вопросов, заявленных в начале этого доклада. Назиров не был «системным» фольклористом: в профильной периодике не печатался (кроме «Фольклора народов РСФСР», конечно), на тематических конференциях не выступал. Нет даже свидетельств о его личных контактах с людьми из этой области (если не считать, опять же, башкирских реалий, то есть исследователя народного творчества из г. Стерлитамак И. Е. Карпухина). При этом Бараг таким «системным» учёным был, но Назирова в своём издании всё-таки печатал. Мы не склонны объяснять это какими-то случайными причинами. Вероятнее всего, такое благосклонное отношение Барага к текстам Назирова было результатом их личной интеллектуальной истории, на которую проливают свет несколько найденных нами архивных документов, вскрывающих внутреннюю издательскую кухню того времени и эксплицирующих структуру личных отношений и научного взаимодействия Барага и Назирова.

1. Адресованное Л. Г. Барагу письмо И. М. Колесницкой (1917–1994) о статье Назирова «Сказочные талисманы невидимости».

2. Заметка Назирова с цитатами из этого письма (видимо, Бараг дал ему возможность с ним ознакомиться).

3. Итоговая авторская машинопись статьи «Сказочные талисманы невидимости».

Письмо Колесницкой, по содержанию (а отчасти и по форме) напоминает внешнюю рецензию на статью, причем, рецензию корректную, но резко отрицательную. Тон задается сразу: «Чувствуется, что статья написана человеком филологически хорошо профессионально подготовленным, но. . . не фольклористом». Междисциплинарность же, по мнению рецензента, «далеко не всегда идет на пользу каждой из наук и читателю». Далее Колесницкая указывает на «неоднородность» и «искусственность» связей внутри материала, привлекаемого Назировым. При этом тут же советует: «Аргументирующий этнографический материал, мне кажется, должен быть <...> значительно расширен. . .» Гипотезу Назирова «о связи образа сказочного помощника героя и заместителя жениха в свадебном обряде с кругом тотемистических представлений» Колесницкая явно считает неверной, а связь этой проблемы с фигурой фольклорного вора представляется ей надуманной на том, основании,

¹⁰ http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2015_2_151-158_biblio_pre.pdf, особенно стр. 153–156.

что сказки о ловком воре явление значительно более позднее, чем тотемизм (при этом Назирова она, по сути, упрекает в антиисторизме).

Короче говоря, внутренняя логика рецензии неумолимо движется к финальному выводу: «Статью Р. Г. Назирова может быть и можно было бы опубликовать в дискуссионном порядке в каком-нибудь журнале, но «Фольклоре народов. . . » только после значительной переработки».

Назирова, выписав ключевые замечания, резюмирует:

«Она требует «значительной переработки».

Моё мнение: часть критики импонирует, но далее она скатывается в геллертерский педантизм, в *брюзжание* (как же, чужак вторгается в касту!) Искажает мои мысли, чтобы затем их раздраконить. Это у меня в статье показано, что сказки о ловком воре — явление исторически более позднее. Но на этом основании она отрицает связи, переходы более раннего в более позднее!

Я говорил не об «имманентном» развитии сюжетов, а об их исторически обусловленных трансформациях.

Она узко мыслит. Профессионалка!

В чём-то нужно будет её послушаться, что-то изменить, а где-то проставить акценты, которые лишат её возможности передёргивать и искажать мои мысли. Аргументацию расширить, а концы отсечь!»

Назирова остро реагирует именно на очевидную пристрастность критики, но объясняет ее «кастовостью» фольклористики (каковая, без сомнения, существует и не только в фольклористике). Между тем, дело, вероятно, не только в ней: в конце концов его статья попала к Колесницкой явно через Барага (коль скоро в письме ему и содержится эта критика). Лев Григорьевич, видимо, до некоторой степени пытался ввести Назирова в сообщество фольклористов (подобно тому, как Г. М. Фридендер, познакомившись с Назировым, ввел его в *элиту* отечественного достоевсковедения).

Однако у Барага это не получилось, и Колесницкая в своем письме четко дает понять, почему Назирова «не фольклорист»: «Кроме того, рассматривая те и другие сюжеты в одном ряду, автор не ограничивается выводами о генезисе и развитии сюжетов, он пытается в третьей части обратиться к проблемам этическим <...> Едва ли вообще можно считать удачным соединением в одной статье проблематики генетической и морально-этической». То, что Колесницкая называет «морально-этической» (стилистически рискованное определение) проблематикой является обычным для Назирова переходом от собственно филологической (фольклорной, литературоведческой) концепции к публицико-философским обобщениям. Это — постоянный ход мысли в фольклорных и культуролого-мифологических штудиях Назирова, наиболее полное выраже-

ние нашедший в книге «Становление мифов...»

С позиций фольклористики Колесницкая, между прочим, права: прямое превращение фольклорного материала в философский аргумент является собой, мягко говоря, методологически рискованный ход мысли. Однако именно это и происходит в авторском варианте статьи «Сказочные талисманы невидимости», где «живому фольклору» противопоставляется «тощее» морализаторство индивидуального мифотворчества (пусть даже это мифотворчество Платона). Совершенно очевидно, что ленинградскому «академическому» фольклористу подобное просто не могло понравиться

В этом смысле критика Колесницкой статьи Назирова содержательно и даже структурно (логика мысли от частных замечаний фактического характера к генерализованному методологическому отрицанию статуса рассматриваемого текста) схожа с критикой концепции Бахтина М. Л. Гаспаровым, фактически отказавшим трудам Бахтина в литературоведческой ценности (что, конечно, тоже сильный «перебор»).

Итак, внешний рецензент прислал Барагу остро отрицательную рецензию. Очевидно, что Бараг и Назиров эту рецензию обсуждали. Практические выводы, который делает Назиров в своей записи не могли не быть согласованы с редактором «Фольклора народов РСФСР».

Более того, представляется, что именно Бараг мог и должен был убедить Назирова все-таки сделать некоторую правку (см. выше об отношении Назирова к его замечаниям). В иных случаях, когда такая правка не могла быть продавлена авторитетом уровня Барага, статьи, непринятые рецензентами, ложились в назировский стол на несколько десятилетий (как, например, «Эффект подлинности»).

Итак, указания, сформулированные Назировым в конце записи, были воплощены в жизнь: «концовка» была отсечена, остальной текст претерпел небольшую правку, в основном, касающуюся стиля и точности формулировок. В количественном отношении изменению подверглось менее 10 % оригинального текста. Это никак нельзя назвать «значительной переработкой». Более того, опубликованный текст оставляет чувство резкого обрыва мысли, в его финале есть прозрачный намек именно на «морально-этическое» развитие темы.

И все же Бараг эту статью опубликовал, хотя, без сомнения, научный авторитет Колесницкой для него был выше назировского, а сам подход Назирова к фольклору, очевидным, образом был от Барага и его традиции отличен.

Дело, без сомнения, не во «внимании к молодым», «широте мысли», «научном демократизме», «энтузиазме» и прочих слабо определимых «измах». Если мы переведем проблему в плоскость восхвалений редак-

торских и человеческих достоинств Льва Григорьевича, мы, конечно, будем правы, но проблемы не решим. Чем Бараг руководствовался, идя против мейнстрима отечественной фольклористики своего (кстати, и нашего) времени?

Отчасти нам может помочь сопоставление с другим старшим покровителем Назирова — Г. М. Фридлиндером. Он родился в 1915 году, а Бараг — в 1911, так что разница в их возрасте, по большому счёту, несущественная.

Назирова познакомился с Фридлиндером по инициативе последнего. Уважаемый сотрудник Пушкинского Дома был настолько впечатлён статьёй молодого учёного, что сам постарался с ним связаться и потом на протяжении многих лет поддерживал переписку. Эта переписка ещё ждёт своего исследователя, но уже сейчас из неё явственно следует, что Фридлиндер, как и Бараг, по сути, старался «причесать» многие тексты Назирова, сделать их более приемлемыми, укладывающимся в рамки господствующего дискурса науки. Нельзя сказать, что оба старших коллеги не понимали идей Назирова, потому что, например, не обладали необходимой для его адекватного восприятия широтой мышления. Они ею обладали. Но свою роль они видели в том, чтобы ограничить Назирова и концептуально, и стилистически, но не потому что не видели в этих особенностях его научного творчества глубины и потенциала. Просто «причёсанность» казалась им важной частью общенаучного этикета, без которой молодому коллеге было бы сложно завоевать подобающее место в научной иерархии.

У Назирова есть и специальный текст, посвящённый Л. Г. Барагу: «Памяти учителя», по сути, некролог, опубликованный в очередном, вышедшем после смерти своего главного редактора, выпуске «Фольклора народов России».

В первом же предложении Назиров называет Барага «творцом и постоянным издателем настоящего сборника» (то есть «Фольклор народов РСФСР»), при этом не до конца понятно (возможно, что намеренно), имеется ли в виду, что Бараг просто создатель альманаха, или что он творец в самом аристократическом значении, порождающий смыслы культурный герой. Последнее, думается, для Назирова было бы высшей похвалой.

Важная фраза: «Мы, сотрудники кафедры русской литературы и фольклора БашГУ, почти все — тоже ученики покойного». Не лишним будет предположить, что хотя Назиров говорит здесь от лица целого коллектива, он тоже готов признать над собой учительство Барага. Правда, из этой общей характеристики непонятно, в чём именно это учительство себя проявило. В этом биографам придётся разбираться самостоятельно,

анализируя косвенные свидетельства.

Далее Назиров пишет: «Сын своего века, он испытал на себе удары нашей трагической истории». Видел ли он аналогии с собой или со своим отцом, судьба которого тоже сложилась трагически? Знаково упоминает Назиров и «трагедию советской науки», и «сталинский произвол», от которого сам пострадал за 40 лет до этого, когда будущему доктору филологических наук отказали в поступлении в педагогический институт в Ленинграде.

За общенаучной следует и человеческая характеристика, несколько приоткрывающая личное отношение Назирова к Барагу: «В нём было нечто донкихотское, черты романтического энтузиаста, усугубляемые его неординарной внешностью, громким голосом и живостью, доходящей до экзальтации». Примечательно здесь восприятие Барага через призму культурных ассоциаций. Человека, которого автор знает около 40 лет, Назиров объясняет слушателю (а, может быть, и себе) через известные литературные образы. В этом специфика мышления уфимского литературоведа, и это же часть органичной для него риторической стратегии.

«Он увлекался, загорался, повышал голос, жестикулировал, не зная меры ни в хвале, ни в гневе». В этой неформальной характеристике сказано, конечно, и личный опыт общения с Барагом-начальником и особенно — с Барагом-редактором. Благодаря воспоминаниям коллег мы знаем, что интеллектуальные отношения двух филологов осложнились отношениями начальника и подчиненного: Бараг ругал Назирова за неисполнительность и прочую нерасторопность.

Заметим, за что больше всего ценит Барага Назиров, судя по тексту некролога. Это примерно то, на что мы постоянно наталкиваемся в связи с личностью самого Назирова, разбирая его архив или анализируя воспоминания о нём: «Он поражал высочайшим профессионализмом, колоссальной памятью, широчайшей эрудицией. Но главное — он постоянно пламенел восторгом перед чудом мировой культуры». И широта эрудиции как основа профессионального авторитета, и особенно увлечённость ценностью культуры — это слова, приложимые прежде всего к самому Назирову, звучат в его устах как автохарактеристики. Показательно, что в Бараге Назиров видит именно то, что мы видим в уфимском литературоведе.

Присовокупим к этому личное биографическое свидетельство. Однажды один из авторов этого доклада встретил Р. Г. Назирова на лестнице в БГУ и стал расспрашивать про указатель Аарне-Томпсона. В начале 2000-х этот ресурс был в Уфе малодоступен. Расспрашивавший обратил внимание на то, что и в статьях самого Назирова, и в комментариях Л. Г. Барага к башкирским фольклорным текстам, регулярно обнаружи-

ваются ссылки на те или иные сюжеты по этому указателю. «Да, у Льва был свой», — заключил Назиров.

Резюмируя скажем, что, как следует из сказанного, Назиров относился к Барагу уважительно, но заметно дистанцировался от его научных методов и школы. В дневниках он почти не упоминает старшего коллегу. В научных работах практически не цитирует. Так, единственная ссылка на Барага в «Становлении мифов»: «Кроме того, вскоре после смерти Карла возникла легенда или, точнее, легендарная сказка (по классификации Л. Г. Барага) следующего содержания» (с. 117). В статьях о фольклорных сюжетах мы находим 4 ссылки на «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка», одну — на «Башкирские богатырские сказки (Сост. Л. Г. Бараг, Н. Т. Зарипов. Уфа, 1986), одну на комментарии Барага к изданию сказок Афанасьева. И это всё. Влияние Барага на Назирова, конечно, было, но проявлялось оно в другом поле: в области личного примера и восприятия авторитета.